

«Как это было?»

Читаем отрывок «Как это было? 12 апреля 1961 года» из современной повести Светланы Волковой "Мой папа Гагарин" (сборник "Джентльмены и снеговики", АСТ).

1. На улице было ветрено, холодно для середины весны, но день обещал быть солнечным, по-апрельски ярким. Марик бродил по улицам и переулкам, от Фонтанки до канала Грибоедова и оттуда к Крюкову каналу, переходя через все встречающиеся мосты и мостики, заглядывал в витрины магазинов, насвистывал подряд все песни, какие знал. И как-то даже один раз подумал, что жить хорошо.

В кармане пальтишка бренчала мелочь — пятаки и двушки, пальцы перебирали их, подсчитывая. За подкладкой было спрятано ещё пятнадцать копеек. А это что значит? Значит, можно днём сходить в «Рекорд» на «Фанфана». И хотя он с друзьями уже смотрел его раз пятнадцать, наверное, но именно сегодняшний шестнадцатый раз наверняка окажется самым интересным.

Марик засмеялся от этой мысли — как хорошо, и день хороший, несмотря на стычку с дядей Жорой. И люди вокруг светлые, весенние, и такое невыносимое предчувствие чего-то большого, радостного, праздничного завладело им, что он даже крикнул голубям: «Я в космос лечу» и пустился вскачь по Лермонтовскому проспекту, растопырив руки в стороны и пугая старушек в старомодных шляпках.

Грузовичок, обогнавший его и притормозивший у булочной на углу, распахнул дверцы, и мужчины в ватниках и тряпочных рукавицах принялись выгружать деревянные ящики. Закружился, затанцевал в воздухе невероятный запах свежееиспечённого хлеба, и можно было забыть обо всём на свете, даже о космосе.

Марик постоял, наблюдая за рабочими, и смело шагнул в пахнущий свежими булками магазинчик. На разинутых лоточных челюстях лежали бочком друг к дружке кирпичики чёрного хлеба за четырнадцать копеек, и белые батоны за пятнадцать — с жёлто-оранжевыми прорезями на спинках, словно они были рыбами, и это след от плавников. А ещё были любимые булочки за семь, и даже дорогуший «Саратовский» калач за пятьдесят пять. Марик смотрел на продавщицу — круглую, сдобную, бело-розового цвета, саму похожую на булочку в сахарной пудре, и никак не мог отвести глаз от её красоты.

— Что тебе, мальчик? — спросила богиня, подперев подбородок зефирной рукой и подмигнув ему.

Марик пощупал в кармане монетки и завороченно произнёс:

— Баранка с маком сколько стоит?

Булочница нагнулась к витринке, навалившись телом на прилавок, и Марик даже дыхание затаил.

— Так вот же ценник рядом с тобой!

И он тоже нагнулся, отделяемый от продавщицы выгнутым стеклом, за которым чего только не было — и сушки, и бублики, и любимые Ниночкины сайки.

— Как тебя зовут? — кокетливо спросила продавщица.

— Марик, — ответил он, заплывая пунцовой краской.

Булочница улыбнулась во весь рот, обнажив ровный ряд белых зубов.

— Марик? Марк, значит?

— Нет, Марлен.

— Прямо как актрису из трофейного фильма, — она лукаво посмотрела на него из-за густо накрашенных ресниц.

— И совсем нет! . — возмутился Марик. — Марлен — это «Маркс» и «Ленин»! Меня так бабушка назвала!

Он хотел было объяснить, как почётно носить такое необычное имя, но тут послышался хрип, всхлёп и рыканье, будто кто-то над головой громко прокашлялся. Все покупатели разом повернули головы к чёрной мисочке радио, висевшей на стене над полкой с жалобной книгой.

То, что услышал Марик, сразу и не поместилось в голове. Осело где-то на уровне темени, поплескалось там и ухнуло в диафрагму, разом вытеснив все прочие мысли, события дня, планы и другой ненужный теперь хлам. Да и какие планы, когда такое произошло!

«Обращение Центрального Комитета КПСС к Коммунистической партии и народу Советского Союза...»

От этих слов стало страшно, и продавщица зажала кулаком брошь на фартуке.

«...К народам и правительствам всех стран...»

В булочной наступила невероятная тишина, все как один затаили дыхание.

«...Ко всему прогрессивному человечеству...»

Марик судорожно пытался сообразить, сколько минут бежать до дома: ведь бабушка рассказывала, что войну объявили точно так же, по радио...

«...Сегодня, 12 апреля 1961 года, ... свершилось!...»

«...Мир рукоплещет Юрию Гагарину...»

«...Великая победа разума и труда...»

От торжественности момента защипало горло, прежде чем смысл слов проник в мозг и соткался в осознанную картинку.

«...Капитан первого звездолёта — гражданин Советского Союза!»

И вот тут Марик понял, что звук идёт не только из крохотного радио — он льётся из уличных громкоговорителей, и из всех окон, и даже с неба.

Покупатели зашумели, волной перекатывая возгласы от прилавка к входным дверям, продавщица так и застыла с зажатой в одной руке брошкой, а в другой держа в бумажке баранку с маком.

— Что, что произошло? — обернулся Марик к стоящему рядом высокому военному.

— Человек в космосе! — закричал он, снимая шапку.

— ЧЕЛОВЕК В КОСМОСЕ! — орали с улицы.

Марик выглянул в окно. Прохожие обнимали друг дружку, машины все разом принялись гудеть, трамвай остановился вне остановки и выпустил на улицу ликующих пассажиров.

— Человек в космосе! — замороженно произнесла богиня-булочница и откусила баранку.

— Как же так... — полушёпотом произнёс Марик, обращаясь то ли к ней, то ли к толпе. — Как же так!

В глазах его застыли слёзы.

— Как же так! Меня... Меня не дождалась!

Марик выбежал на улицу, и его как будто закружил вихрь: радостные люди (и откуда только они взялись в середине рабочего дня!), дворковые коты, собаки на поводках — всё кружилось единым организмом, ликовало, смеялось.

— Как же так! — убегая от булочной прочь, шептал себе под нос Марик. — Не подождали, пока я вырасту! Совсем чуть-чуть не дождалась!

Он бежал навстречу колкому ветру с Фонтанки, вдоль по Лермонтовскому проспекту мимо кинотеатра «Рекорд» с афишей «Фанфана-Тюльпана», мимо мороженицы, где мама покупала ему пломбир с сиропом в пухлой вазочке, через Египетский мост мимо бани, и дальше уже не разбирая дороги через пустырь с сараями и голубятнями. Прочь, прочь! И

только у Обводного Марик остановился, навалился на гранитный парапет и, вглядываясь в тёмную мглу канала, заревел уже в голос.